

Часть первая

Глава первая

Снег был серым, но при свете звезды Росс 128 казался грязно-розовым. Я смял его в ладонях, слепив увесистый снежок. Примерился и бросил. Далеко, от казарм второго взвода и до четвертого тренировочного купола.

С глазомером и силой у меня явно стало лучше.

Снежок пулей пролетел метров тридцать и смачно ударил в спину стоявшую у входа стражу.

Ухмыльнувшись, я наклонился и слепил второй снежок.

Стража ощупала спину, обернулась, возмущенно уставилась на меня. Я пошел к куполу, подбрасывая новый заряд в руках. Утоптаный снег поскрипывал под ногами. Сегодня было совсем тепло, градусов пять ниже нуля. На Саельм пришло короткое двухдневное лето.

— Нечестно! — укоризненно сказала стража.

Ну ладно. На самом деле она произнесла «Nicht fair!» — базовым языком общения Измененных был немецкий. На Земле я его не знал, на Саельме Гнездо записало его в мой мозг сразу же после перехода.

Инсеки считали, что для боевой обстановки и работы со сложной техникой немецкий язык подходит лучше английского или китайского. Наверное, в этом был какой-то резон.

Стражу звали Поль, в человеческой жизни она была мальчиком из Франции. После Изменения в стражу трудно понять прежний облик, они все похожи друг на друга: двухметрового роста, с безэмоциональным широким лицом, с бледной шершавой кожей. Но, кажется, Поль не

был светлокожим французом, наверное, родители из бывших колоний.

— А ты не зевай, — сказал я. Бросил второй снежок. Конечно же, теперь стража с легкостью увернулась и поймала снежок в воздухе. Я кивнул и воскликнул: — Бум!

— Почему «бум»? — удивилась Поль.

— Это была граната, — пояснил я. — Надо отбивать, а не хватать.

Оставив стражу Поль размышлять над сказанным, я открыл дверь и вошел в купол. На Саельме я провел уже десять дней, но заниматься начал лишь вчера.

Что поделаться, прибыл я сюда не в форме. Второй Призыв превратил меня в кого-то вроде универсального защитника и позволил спасти Гнездииковское Гнездо. Я с тех пор так и думал о себе — Защитник, словно выделяя слово заглавной буквой. Но далось это нелегко — первые трое суток (нормальных, земных) на Саельме я валялся пластом под присмотром жниц-медичек. Пил восстанавливающие экстракты самого мерзкого вкуса, в меня внутривенно вводили прозрачные опалесцирующие растворы, заставляли заниматься физкультурой и даже делали массаж. Потом меня неделю изучали, просвечивали рентгеном, ультразвуком и еще какими-то лучами и волнами, брали на анализ все жидкости, которые только имелись в моем теле, и кусочки тканей (самым неприятным оказались пункции спинномозговой жидкости и костного мозга), проводили психологические тесты и давали заполнять огромные анкеты с дурацкими вопросами.

В результате я, как ни странно, восстановился. А медики Измененных, как я и предполагал, ничего не поняли. Таких, как я, здесь не водилось, таких, как я, просто не существовало раньше. Второй Призыв считался теоретически возможным, но, похоже, никто, кроме меня, его не проходил. Так что вчера врач-Измененный (особая и редкая форма, он походил на морщинистого пожилого мужчину с седыми волосами) вынес вердикт: «Незавершенное Изменение с неясной финишной функцией, физически

здоров, к обучению годен, рекомендуется наблюдение и регулярные осмотры».

Я с ним не спорил. Я не собирался рассказывать здешним Измененным, кто я такой. Над ними стояли Инсеки, а к ним я симпатии не испытывал...

В куполе было тихо. Очень тихо, непривычно для человеческого жилища. У нас в домах ведь всегда есть звуки, мы просто их не замечаем: шум машин с ближайших улиц, гул ветра, тихое урчание кондиционеров, вентиляции и холодильников; тиканье механических часов, неуловимое, но ощутимое гудение трансформаторов; звук воды в трубах, поскрипывание полов или деревянной мебели... Я уж не говорю о том, что люди не любят тишину и включают музыку или телевизор, чтобы тот бормотал что-нибудь.

Мы живем в звучащем мире. Космонавтов раньше даже специально обучали переносить космическое безмолвие.

А вот здания в тренировочном лагере Измененных абсолютно звуконепроницаемы, к тому же Саельм и без того не слишком громкое место. Внутри куполов никакой привычной техники нет. То, что ее заменяет, работает в тишине. И даже местное Гнездо совсем другое — оно не звучит, его почти не замечаешь.

Сразу за входом был небольшой тамбур. На минус пять по Цельсию, конечно, Измененным наплевать. Я ощущал прохладу, но мог бы ходить по поверхности голым. Вот только зимой тут бывает и минус пятьдесят, и минус шестьдесят — это даже для стражи неприятно.

Я пошаркал ногами по шершавому полу, соскребая с подошв остатки снега. Посмотрел на свое отражение в металлической стене. Купол понял, чего я хочу, и металл посветлел, стал зеркальным.

Ну... ничего так. Вполне прилично выгляжу!

Превратившись в Защитника, я сильно изменился. Вырос на полметра, лицо стало жутковатым, как у стражи. На голове гребень, кожа — как снег...

Но когда боевая форма ушла, я снова сделался самим собой — снаружи. Разве что пара лишних сантиметров

осталась, но я не против. Лицо нормальное, мое. Если бы меня увидел кто-то из старых знакомых, то сказал бы: «Максим, ты чего, забухал, что ли?»

Увы, шансов встретить старых знакомых на Саельме у меня нет. Люди здесь не бывают.

После прибытия мне выдали комбинезон, похожий на тот, что носят стражи, только не черный, а ученический, серовато-белый, под цвет местного снега. Я его, конечно, надел — от человеческой одежды остались лишь лоскуты. Но поверх нацепил подаренный когда-то Продавцом плащ. На меня посмотрели странно, но ничего не сказали. Так что я теперь выглядел как комиковый супергерой — в трико и плаще...

Вздыхнув, я пригладил волосы, в очередной раз ощутив, что они изменились — стали курчавыми, жесткими, как у какого-нибудь африканского парня. Ничего не имею против черных кудрей, но прежние мне нравились больше.

Тамбур был единственным изолированным помещением в куполе. Все остальное пространство, куда я прошел, занимал тренировочный зал. Вчера он был заставлен чем-то вроде низких табуреток или пуфиков, на которых мы сидели во время занятия. Сегодня все изменилось. Пол стал мягким и бугристым, словно раскисшая земля. Стены и потолок превратились в экраны, очень правдоподобно показывающие лесную чащу.

Растения были синевато-зелеными, неземными.

Мой второй взвод уже собрался — все восемь Измененных, если не считать несущую караул стражу Поль. Нужды в карауле, конечно, никакой, но это тоже часть тренировки.

Шесть стражей, одна старшая стража и одна жница-медичка. Они стояли молча, в беспорядке, хотя две стражи, Ли и Хо, как обычно, держались рядом. Я помахал рукой и встал за Олой, старшей стражей, которая считалась лидером взвода. Старшая шумно вздохнула. Я пришел вовремя, но Измененные предпочитали собираться раньше назначенного времени. К тому же я присоединился к взводу позже и всем остальным казался странным. Если вам

доводилось переводиться в новую школу через пару недель после начала учебного года, то вы понимаете, о чем я.

— Чему станем учиться? — спросил я.

Ола молча покачала головой. Глупые вопросы ради вопросов они не любили.

«Эй, Гнездо...» — позвал я мысленно.

«Слушаю, Макс», — настороженно отозвалось Гнездо.

Видите ли, я редчайший случай. Я стал Измененным не потому, что выпил мутаген, на меня повлияла «тонкая волновая структура», что бы это ни значило. При первом Призыве изменения были внешне малозаметны. А вот второй Призыв поменял меня сильнее.

Из последствий — кроме того, что я, похоже, самая опасная в бою разновидность Измененных, — у меня появилась возможность общения с Гнездами. Не только со своим, а с любым. И не просто общения. Все Измененные могут получать от Гнезда информацию или пользоваться им как мессенджером, пересылая сообщения друг другу, но я еще могу просить Гнездо что-то сделать или не сделать.

Ладно, к черту вежливость! Не просить — приказывать. Не знаю, насколько велика эта способность, не рискнул проверять. Местное Гнездо, в отличие от Измененных, мою особенность чувствовало. Но о ней никому не сообщало.

Я очень настойчиво попросил.

«Не дуйся, — сказал я. — Что сегодня на уроке? Я домашку не записал!»

«Что?»

Чувство юмора у нейронной сети отсутствует напрочь.

«Не обращай внимания. Чему нас будешь учить?»

«Рукопашный бой», — ответило Гнездо.

Как мне показалось, с легким злорадством.

«Когда начало?»

«По расписанию, через семнадцать секунд. Тебе требуются какие-то особые условия, ограничения, дополнительное время на подготовку? Десять секунд».

Я насторожился.

«Нет. Какие правила?»

«Правил нет. Четыре. Три. Два. Один».

Старшая стража, не разворачиваясь, ударила меня в грудь.

Ну да, у них другая мускулатура и другая подвижность суставов.

Я отлетел метра на три, потерял равновесие и рухнул ничком на пол. Мгновенно развернулся и вскочил.

Вовремя. Они шли ко мне.

Все восемь Измененных моего взвода.

Все на одного!

Даже обычная стража выше меня, не говоря уж о старшей. Даже медичка чуть шире в плечах (мне кажется, она раньше была парнем). Я уж не говорю о том, что все они несколько лет тренировались в Гнездах на Земле.

— Нечестно! — выкрикнул я, отступая к стене.

Все-таки еще несколько лет назад все они были большими человеческими детьми. Дети от природы довольно злые, но зато хорошо чувствуют несправедливость.

Старшая стража подняла руку, и все остановились.

— Ты не похож на остальных, — сказала она. — Твоя функция непонятна, твои боевые возможности неясны.

— И это повод бить меня ввосмером? — возмутился я.

— В реальном бою враг сосредоточится на тебе, — сказала Ола. Как мне показалось, с легким удивлением. — Враг будет считать тебя либо самым опасным элементом взвода, либо самым слабым. В любом случае твое уничтожение станет для врага приоритетной задачей. Мы должны выяснить пределы твоих возможностей к самозащите, иначе ты обрестишь взвод.

Она опустила руку — и все вновь двинулись ко мне.

Я не то чтобы рассердился. В ее словах был резон, убивать меня они не собирались, а любые раны я вылечу либо сам, либо с помощью медиков.

Но мне все равно не нравилось, когда все против одного. А еще больше не нравилось, что Гнездо с любопытством наблюдало за мной.

То сердце, что было у меня теперь с правой стороны груди, застучало чаще. Я встряхнул ладонями, сам не понимая, зачем, просто показалось, что так нужно. Ощутил короткую вспышку боли в пальцах, будто на миг окунул их в кипяток. А на ступнях утолщенная ткань комбинезона разошлась, стягиваясь к лодыжкам.

Это что-то новенькое.

Я сделал еще пару шагов назад. Почувствовал, что голые подошвы липнут к полу. И понял, что именно предлагает мне организм Защитника.

Развернувшись к стене купола, я прыгнул на нее — и полез к потолку, цепляясь ладонями и ступнями. Ощущение донельзя странное, словно кожа приклеивалась к поверхности, хоть и была совершенно сухой. Безумия происходящему добавляло и то, что стена и потолок продолжали работать в режиме экрана, очень убедительно показывая инопланетные джунгли: синеватую растительность, обросшие густым мхом стволы, толстые лианы. Среди деревьев даже мелькали какие-то мелкие движущиеся тени, не то птицы, не то прыгающие по ветвям ящерицы.

В общем — самое место для обезьяны.

Через несколько мгновений я висел на потолке, а метрах в пяти подо мной топтались Измененные.

— Способности к бегству хорошие, — одобрила жница-медичка.

— Эй, я не хочу вас повредить! — Я помахал одной рукой.

— Ли, Хо, Вай! — приказала старшая стража. — Снимите его оттуда!

Ли и Хо переглянулись, встали подо мной, сцепив руки в замок, и присели. Вай — самая, пожалуй, мелкая из стражей — разбежалась, прыгнула им на руки, и те одним движением швырнули ее вверх, в меня.

В полете Вай наткнулась на мой кулак, я ощутил, как хрустнул нос Измененной.

Ну ничего, стражи все равно красотой не отличаются.

Однако Вай удар перенесла стоически. Зацепилась и повисла на мне, выкручивая руку, которой получила по носу.

Что бы ни держало меня на потолке, волоски, как у геккона, или какой-то биологический клей, лишняя сотня килограммов веса потянула меня вниз.

Так что я отцепился, оттолкнувшись ногами, локтем свободной руки ударил Вай в висок и рухнул, выбрав в качестве амортизатора медичку.

Жница вскрикнула, когда я и слегка оглушенная Вай упали ей на голову. Я перекатился в сторону, как раз вовремя — Ли и Хо прыгнули, но в результате еще больше травмировали несчастную жницу.

— Слушайте, да хватит! — выкрикнул я.

С организмом что-то происходило. Я чувствовал, как один за другим возникают в моем теле органы, которых не то что у людей — даже у Измененных не было. Ощущение — словно тело пронзают иглами, а в месте укола все на миг немеет.

На меня набросились еще две стражи. Секунд пять мы обменивались ударами. Им было проще, руки у стражи длиннее, чем у людей.

Одной страже я пробил мышечный пласт на животе и травмировал брюшное нервное сплетение. Стража упала и забилась в судорогах, пронзительно взвизгивая, будто щенок, которому наступили на лапку. Вторая стража пошла в клинч, я увернулся, зажал короткую толстую шею локтем и сломал позвоночник.

В случае со стражей это только звучит страшно. К вечеру она восстановится.

На меня бросились сразу все остальные — старшая стража, травмированная Вай с окровавленным лицом, Ли и Хо и молчаливая стража, которую я знал лишь по прозвищу — Болтушка.

Я взмахнул рукой, и выскользнувшие когти рассекли Болтушке грудь. Комбинезон задергался, пытаюсь стянуть разрез и закрыть рану. Сквозь рассеченные ребра я видел биение сердца.

Болтушка немедленно подняла руки и отступила, выходя из боя. Из сходящейся раны обильно текла темная кровь.

— Ола, хватит! — крикнул я. — Это слишком далеко зашло!

Ола заколебалась, жестом остановив Ли, Хо и Вай.

— Убедилась, что я могу за себя постоять?

— Каков твой профиль? — спросила Ола.

— Говорю же — не знаю!

Ола жестом велела страже отойти. Сказала, будто обвиняя:

— Ты морфируешь. Но необычно.

— И что с того?

— Я должна проверить, — сказала Ола.

Встряхнулась. И будто раздалась в стороны — плечи стали шире, руки удлиннились, из пальцев выдвинулись когти.

Старшая стража переходила в боевую форму.

— С ума сошла? — воскликнул я. — Ты же не контролируешь нейротоксин!

Ола молча пошла на меня.

Ну да, допустим, в боевой форме Защитника я могу нейротоксин пить стаканами. А вот как насчет нынешней, промежуточной?

К тому же у обычных Измененных иммунитета к токсину нет. Даже у самих стражей. Если к яду есть противоядие — он ненадежное оружие.

— Ола... — с тревогой сказала Вай. — Не надо...

Старшая стража приближалась.

Я успел нанести ей два удара, прежде чем она дотянулась до меня. Первый удар раздробил бы человеку колено, второй разорвал бы селезенку.

Ола смяла меня и повалила на пол. Прижала всем телом. Я отчаянно боролся, удерживая над собой ее руки. Ола медленно преодолевала сопротивление, когти приближались к моей шее.

Она реально хочет меня отравить?

Если яд попадет в сонную артерию — я успею его нейтрализовать?

По телу будто прошла судорога. Я не успел бы вырастить новые мышцы на руках, чтобы стать сильнее стар-